

“Перед нами – своего рода коллективное “селфи”, самопрезентация поколения, вступающего в литературу”, – читаем мы на обложке мартовского молодёжного номера журнала “Знамя” за этот год. Тут в глазах молодого человека должна загореться лампочка узнавания. “О, – думает он, – да здесь говорят на моём языке!” – и упоённо бросается рассматривать групповое литературное фото. Обнаруживает следующее: так как селфи-палки у ребят не было, и времени, чтобы её приобрести, – тоже, пришлось заснять с руки. Это ответственное дело доверили Степану Гаврилову, главному открытию номера. Хорошо видно только его, остальные в кадр либо не попали, либо получились нечётко. Привлекает внимание и другое: лица у молодых писателей слегка обескураженные, растерянные как бы. Заселфиться и прислать по WhatsApp’у их попросили старшие, вот и собрались они быстренько и неловко, щёлкнулись и разбежались. Не впечатлившись картинкой, взыскательный зритель идёт листать новостную ленту дальше, даже не поставив лайк...

Ещё раз повидаться авторам, уже по-настоящему, пришлось семнадцатого апреля на дискуссии “Существует ли новое литературное поколение?”, устроенной журналом “Знамя” и Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ в библиотеке имени Боголюбова. Приехать, правда, смогли не все. Но это разговору не помешало... А беседа и впрямь получилась интересная, хоть для кого-то и обидная. Вот, например, что рассказывает о дискуссии журналист портала “Год литературы” Андрей Мягков: *“Наталья Иванова <...> решила выдать немного редакторских секретов. Оказывается, никогда номер не возникает из идеи – сделаем такой-то номер. В редакции прочитали текст Степы – роман, который говорит молодым языком о молодых, – поработали с ним и решили дополнить тем, что уже было в закромах и ждало публикации. Номер, таким образом, сложился сам собой, безо всякой первоначальной концепции”*. Заместитель главного редактора даже не считает нужным скрывать, что остальные материалы – лишь приложение к произведению Гаврилова, а номер составлен из “листа ожидания”.

#проза #монотекст #девятиностые

Но вот ещё в чём дело: проза не только вытащена из запасников, она как будто и подобрана “под Гаврилова”. В отдельных текстах типажи, ситуации, “молодой язык” буквально повторяют заглавный роман “Опыты бесприютного неба”. Словно представленные в “Знамени” прозаики просто взяли и написали к нему дополнительные главы.

Значительная часть содержания у Гаврилова – бандитские разборки, дельёж территории наркотического рынка. Вот и в рассказе Павла Селукова “Заячья кровь” главную героиню из баптистского реабилитационного центра выводят в большой мир два амбала, которых она “кинула на наркоту”. А в тексте Михаила Тяжева “Фуражка” решает серьёзные вопросы вышедший с зоны Лёха Свинец: крадёт у детей фуражки, избивает бывшего подельника. Станным образом даже в произведении Анны Золотарёвой о преподавателе философии “Философ” тот идёт на “стрелку”, которую назначили его сыну из-за того, что он отдал кому-то ногу. В общем, куда ни глянь, везде выясняют отношения на разных уровнях опасности.

Ощущение ностальгии по эстетике девяностых влияет и на языковое наполнение произведений. Иллюстративный кусочек из “Опытов бесприютного неба”: “Запорожец въехал жопой в ворота чьего-то гаража. Бодро навалившись, мы стали толкать тачку вперёд, но кромка двери, сделанной из тонкого листа железа, вошла в багажник почти до половины. “Как, сука, нож в масло”, – сказал Серёга, сплёвывая кровь из разбитой губы”. Стилистический близнец, родившийся на пять минут раньше, а потому более аутентичный, “Подкова” Павла Селукова: “Подкову вот достал. Я ей старшака в пятнадцать лет на эспандере ухайдокал. Первоймой был. Тогда пивалдер ещё везде продавали. Киряли в дым”.

Произведения настольно прочно “спаяны” с романом Гаврилова, что в них иногда кочуют его заблудившиеся герои: филологическая барышня-поэтесса Лика, а после и порноактриса из “Опытов бесприютного неба” успешно реинкарнируется в рассказе Михаила Тяжева “Дядя Витя”. Она всё ещё учится на филфаке, только теперь её зовут Одри и по ночам она ходит в гости к пожилому фотографу, потому что очень хочет стать фотомоделью.

Чем объясняется такая однородность, каким образом редакции журнала “Знамя” удалось достигнуть эффекта единого, бесконечно длящегося текста? Варианта два: либо это сознательная концептуальность (что редакция отрицает), либо примерно таков поток отобранной журналом “молодой” литературы, а Степан Гаврилов – лишь её наиболее типичный представитель. Кажется, всё же второе. Иначе чем объяснить скромное присутствие в самом конце резко отличающихся от всего остального рассказов Арины Обух? Нет там никаких разговоров по душам раз на раз, лексики из мест не столь отдалённых, штампованных филологических барышень с тяжёлой эротической судьбой. Обух пишет о волшебной обыденности жизни, пытается создать свою мифологическую систему и умело обращается с художественным образом. Это письмо другого толка, простое и естественное, пластичность его достигается за счёт зорко увиденных деталей: “Как только начинается перерыв, открывается дверь и на пороге стоит Зоя. Волосы зачёсаны назад и собраны в “тыковку”. Из-за траура она больше не красит их хной, поэтому ото лба у неё идёт обруч седых волос, такой белый нимб”.

С точки зрения редакторской стратегии было невыгодно дать тексты Обух в молодёжном номере, пускай даже под занавес. Во-первых, потому что читатель в контрасте понимает, что только Обух здесь умеет писать; во-вторых, в этом сразу угадывается отсутствие цели напечатать ряд похожих текстов, и очевидной становится неприятная случайность. . .

#степангаврилов #расслоение #портретпоколения

Но в чём же всё-таки феномен Степана Гаврилова, что за произведение послужило мощным импульсом для запуска шестерёнок литературного процесса? Роман “Опыты бесприютного неба” вызывает удивительное единодушие. Трудно было понять, о чём спорили на дискуссии “Знамени” и к чему пришли. Ясно одно: роман Гаврилова понравился всем без исключения, и даже критически оценивающая молодёжный номер писательница Наталья Рубанова отозвалась о нём с симпатией. Критические отзывы также, как один, проникнуты благожелательностью, заранее слегка оправдательной. Критики, которые писали об “Опытах бесприютного неба”, неизменно упоминали об очевидных недостатках текста, выдавая их за достоинство.

Произведение распадается прямо в руках. Оно начинается с дроблёной ретроспективы в детство, которая призвана ввести нужных героев. Со звуком хлопущи в первой главе один за другим “влетают” никак не связанные друг с другом персонажи и благополучно забываются до финала. Далее герой

большую часть времени рассказывает о своих злоключениях и безработице в Петербурге, а потом люди из детства снова одномоментно сыплются на него, как драже, и наступает поспешная развязка их линий. Дополнительно Гаврилову захотелось изложить свои соображения о портрете поколения, и так как средствами художественной прозы сделать это не удалось, появился научный трактат, который передал другу главного героя случайный человек в КПЗ. Новаторский приём в духе “Путешествия из Петербурга в Москву” ещё больше расслоил текст.

Критик Владимир Панкратов не считает это проблемой и пишет на интернет-портале “Горький”: “Если учитывать, что герой здесь ещё и рассказчик (довольно забавный, надо сказать), становится объяснимой несобранность текста, которая здесь, конечно, является приёмом, а не недоработкой. Это как если человек начнёт рассказывать о проблеме раньше, чем решит, о какой именно”. Интересно получается: если назвать нечто приёмом, оно автоматически перестанет быть недоработкой. Рассказчик и сам постоянно проговаривается: “Сбивчивость повествования — всегдашний атрибут этого письма”. Но потом забывает о преднамеренности действия: “Теперь надо вернуться почти на два года назад и рассказать всю эту историю, а то получится несколько сбивчиво”. И приём превращается... в неумение выдержать структуру.

Роман расплывается на лоскуты стилистические. В начале автора отчаянно штурмат, желая сказать понятную/красиво/необычно борются в нём, оттого случаются странные соседства. То с умным видом читаешь про “общую атмосферу индифферентной настороженности”, “фантастическую эйсид-осень”, “пропахший формальдегидом город-миллионник” и цвета, звучащие “реверберацией”, а то по-свойски узнаёшь, что герой работает “постоянно на палеве”, предложения по трудовой части были “безмазовые”, но иногда всё-таки попадались “ништяки”. Однако расщепление языка тоже можно ловко оправдать. И вот как это делает писатель Булат Ханов в своей колонке на сайте “Textura”: “Стиль “Опытов бесприютного неба” представляет собой добротный сплав убойного сленга, битниковской стихии, постпелевинской иронии и постгегельянской мудрости. У Степана Гаврилова огромный словарь, и в нём есть место и низкой лексике, и высокой, и профессиональной...” Огромный словарь — это хорошо, когда умеешь с ним управляться. А вот когда достаёшь из него разноцветный ворох слов и просто разбрасываешь вокруг, то уже не очень...

Когда читаешь отзывы об “Опытах бесприютного неба”, кажется, что все восхищаются просто тем, что текст написан о молодых людях, поэтому готовы оправдать самые очевидные промахи. Степан Гаврилов дарит оптимистичную надежду: о поколении пишут, современность осмысляют, процесс идёт, литература движется. Но ведь как осмысляют, и каким рисует образ поколения.

Главный герой и его бесчисленные знакомые — люди, которые приехали из провинции в Петербург. У них нет сформированных целей, они прыгают с одного места работы на другое и в свободное время частенько находятся “под кайфом”. Главный герой с упоением рассказывает байки о наркотических притонах, всячески романтизирует изменённое состояние. Персонажи вереницей проносятся мимо, сливаются в одно дрожащее пятно. Один не то поэт, не то фотограф разодрал себе руки до мяса под дозой, другой стёр пальцы о гитару до крови. Трудно вспомнить, как их звали и чем они друг от друга отличаются. Гаврилова это не слишком заботит, он почти не даёт портретных характеристик, биографии выписывает прозрачными штрихами. Герой становится интересен автору только тогда, когда он употребил и стал странным. Единственный недоступный наркомании персонаж — Соня, постоянная девушка главного героя, его основная поддержка. Несмотря на то что Соня всегда рядом, она остаётся “за” прожектором повествования, писатель полностью игнорирует её, о ней сказано не больше двух слов. Конечно, ведь что в Со-не, такой обычной и повседневной, занимательного? В порно не снимается, в секс-шопе не работает, себя не режет.

В манифестальном вставном трактате о поколении “джипси” (кроме того, что современные молодые люди не поддаются точному обозначению, постоянно меняют место работы и не интересуются деньгами) особенно подчёркнуто, что “этот класс — один из первых, который озадачился созданием культуры употребления лёгких наркотиков”.

У них нет прошлого и ощущения истории. Главный герой с гордостью заявляет: “Союз полностью развалился, адьюс! Я никогда не видел в этом хоть какой-то значимости – именно потому, что на место этих событий может быть поставлено любое другое”. Но всё же это не полный нигилизм, просто волнуют его более важные вещи: “Просто есть процессы более глобальные. Например, волнует меня больше всего то, что, когда я родился, кто-то из лучших умов планеты сказал, что постмодернизм умер”. Понятно, что это всего лишь поза, но оказывается, за ней ничего не стоит. У Гаврилова – поколение **ни-кто**, люди, которых нет и, кажется, не будет. Они отработанные, холодные и мёртвые внутри.

#поэзия #потерянность #вергилий

Тем временем в поэтической рубрике молодёжного номера журнала “Знамя” царит атмосфера застывшей неопределённости. Молодые поэты монотонно наговаривают в стену о чём-то своём, необязательно понятном читателю. В медитативно-мантровой интонации вязнут слова, предметы, останавливается время. Это монохромный гул: схожесть приёмов, графической записи, звука, смысловая желеобразность. Если приложить усилие и напрячь слух, в звуковом потоке едва ли можно различить два голоса, приходящихся на пять авторов.

Первый – слегка запинаящийся, тихий. Ну, то самое, когда решил говорить прежде, чем придумал, что сказать. Открывающий молодёжный номер “Знамени” Василий Нацентов признаётся, что молодые люди ещё пока мало что видят, напоминают слепых котят. Вот и в стихах Нацентов близоруко и приблизительно угадывает пока лишь неясное мигание:

* * *

*как темнеет за пластиковым окном
как немо оно и как гладко строги его черты
как темноло за деревянным окном я почти не помню
но горчат шершавины раны
и заклеены щели малярной лентой
и слышен дождь законный
и загробная груша слышна
ты сидишь
а дом кончается и летит
ты сидишь
а дом освещённый одной сигаретой
безответно мигает и темнеет темнеет*

Вторит ему Ирина Любельская, которая констатирует свою растерянность перед жизнью вообще. Это выражается и поэтически: “Какая здесь путаница, переполох – смятение”, – замечает поэтесса и оказывается совершенно права. Всё в том же синимичном нацентовском стихотворении зыбкий мир качается, дрожит, мелькает.

* * *

*где растёт одно слово — вырастить сад,
сад, пригоршню и россыпь.
птицы спешат и трепещут, спешат —
и качается воздух.
<...>
и не медля и не торопясь убежать
между веток мелких и частых, —
всё дрожит на земле и чернее стрижа
солнце,
облако,
обещание счастья.*

Трагическую разорванность реальности сильнее других ощущает Егана Джаббарова. Но доносит это открытие Джаббарова средствами исключительно прозаическими. Например, рассказывая о потерянности и бессмысленном времяпрепровождении, излишне подробно описывает каждый шаг лирической героини, “наматывая” поэтическую ткань хаоса на первые бытовые детали, которые попались под руку: кожуру апельсина, пакетики от “Колдрекса” и т. д.

* * *

*поэтому
большую часть времени
мы провели
в тёмной питерской квартире
даже огромные потолки не выручали
повсюду пахло кожей от апельсина
валялись пакетики от “Колдрекса” и таблетки
<...>*

Второй голос звучит внушительнее, он будто повзрослее и поувереннее. Правда, не перестаёт бубнить, но умно. Борис Пейгин и Олег Горгун – главные поэтические интеллектуалы номера. Из их стихотворений лукаво выглядывают Гераклит, Фалес, Вергилий, Августин Блаженный, Леонардо да Винчи, Эразм Роттердамский, Марсель Пруст... Кого там только нет! Но при всей многолюдности заполнить пустоту не удаётся, великие служат декоративным украшением либо поводом для словесной игры.

Олег Горгун:

*Не гадал на Вергилии, не покупал
на вокзале кустарный “Оракул”.
Принимал от Тебя и снежок, и вокзал,
и другие приметы и знаки.
<...>*

Борис Пейгин:

*И пойду по воде, поскольку стоит межень,
И, прождав тебя, отстою
Назначенную виргилию.
Если Данте полюбит Вергилия,
это будет лишь фанфик.
Я дождусь, дождусь, мы сойдёмся на рубеже,
Если ты на могиле моей прорастёшь в аканфе.
И на этом всё.
<...>*

На поэтах внимание не заострялось. Ну, какие тут могут быть открытия, если у Гаврилова “дебют автора в толстом журнале”, а Борис Пейгин и Василий Нацентов уже отметились в других молодёжных номерах “толстяков”* и довольно хорошо известны журнальному читателю? Поэтому на дискуссии им дали сказать пару слов, а в напутствие ещё и обругали. Наталья Рубанова возмутилась: “Стоит ли отдавать целый номер свежей крови, которая на самом-то деле не является свежей? Такое ощущение, что многие поэты сразу родились пятидесятилетними. Читаешь – и это очень скучно, простите, ребята. <...> Новые формы, новые слова – где это все?” По-моему, с модными формами как раз всё в порядке, а новые слова – дело наживное, жаль только, что они не ведут к новому Слову.

---

* Поэтические подборки Василия Нацентова были напечатаны в молодёжных № 8 журнала “Наш современник” за 2017 год и № 6 журнала “Октябрь” за 2018 год. Рассказ Бориса Пейгина “Доктор Канин” публиковался в № 8 “Нашего современника” за 2018 год, а его поэтическая подборка в том же журнале в 8-м номере в 2017 году.

#возраст #плохоекачество #неудачноефото

Желание поговорить о поколении вообще оказалось сильнее отсутствия поколения литературного. Самой занимательной в молодёжном номере “Знамени” является рубрика “Круглый стол. Свободнее и счастливее нас?”, где социологи, политологи, профессора на фактическом материале рассуждали об особенностях и перспективах так называемых миллениалов. Там можно узнать, что средний возраст вступления в брак повышается, а общая поколенческая стратегия отсутствует. Рефреном в выступлениях разных людей звучал мотив технофилии, все эксперты, как один, говорили об ориентированности на интернет, о том, как это влияет на формирование молодёжного социума. Но эти информативные рассуждения оказались полностью оторваны от того литературного материала, который был представлен в номере, никак с ним не пересекались.

Молодёжный номер “Знамени” – это потрёпанная старая книга под новой глянцевой обложкой. Попытка создать шум, нагнать дискуссионного накала ничем не заканчивается, потому что повода для дискуссии нет. Поднято на знамёна слово “новое” обещает свежесть, удивление, прогрессивность. Вместо этого мы читаем нечто, что было новым и интересным разве что годах в 70-х прошлого века, когда Андрей Битов только опубликовал свой “Пушкинский дом”.

Да и само объединение авторов по поколенческому признаку под обложкой специального номера “впервые в истории” только лишь для “Знамени”. Опыт молодёжных выпусков не начинается и не заканчивается на этом журнале. Например, “Октябрь” в прошлом году отдал молодым авторам шестой номер, а “Наш современник” вообще регулярно посвящает один выпуск в году молодым уже на протяжении 15 лет (!). За это время вокруг журнала успело сформироваться сильное литературное поколение. Наиболее заметные молодые авторы – прозаики Юрий Лунин, Дмитрий Филиппов, Андрей Тимофеев, Елена Тулушева, Андрей Антипин; поэты Мария Знобищева, Карина Сейдаметова, Дарья Ильгова, Павел Великжанин.

В “Знамени” же про литературную генерацию никто особенно и не думал. Возрастной разброс авторов слишком велик, чтобы объединить их в одну “молодёжную” субкультуру. Самому младшему автору номера двадцать один, самому старшему – сорок пять (хотя возраст в творческой биографии у Михаила Тяжева предусмотрительно не указан). В теории это могли бы быть отец и сын, но кого это волнует?

Понимаю, что положение “толстых” журналов бедственное и срочно нужно что-то делать, создавать информационные поводы, темы, на которые можно было бы говорить в печати. Но зачем же совсем не стараться? Наткнулись на рукопись, решили *святая номер*, давайте что-нибудь поговорим о молодых. А может быть, надо было изначально всё-таки продумать концепцию, проработать номер, сделать его соразмерным и разнообразным? И если видно, что селфи получилось не очень, наложить фильтр или даже переснять...